

везли въ ссылку, Биронъ, по указу императрицы, возвращался изъ ссылки въ Ярославль, назначенный ему для житія вмѣсто отдаленнаго Пелыма. Враги встрѣтились при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей въ предмѣстіи города Казани, сняли другъ передъ другомъ шляпы, поклонились одинъ другому и поѣхали каждый въ свою сторону, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ между собою. Миниха помѣстили въ воеводскомъ домѣ, построенномъ посреди деревяннаго острога. Положеніе, въ какомъ очутился бывшій фельдмаршалъ, недавній первый министръ россійской имперіи, была не простая ссылка, а тяжелое тюремное заточеніе. Онъ не смѣлъ никуда выходить дальше острожной стѣны, которою отдѣлено было его жилище отъ остальнаго міра. Хотя съ нимъ поѣхала довольно немалочисленная прислуга, пасторъ и врачъ, но только они исключительно могли ходить въ городъ, состоявшій въ то время изъ небольшого числа обывательскихъ домовъ. Въ 1746 году писалъ узникъ къ своему брату, избѣгнувшему ссылки и остававшемуся при дворѣ съ прежнимъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барону Миниху: въ своемъ письмѣ онъ оставилъ наглядное описаніе своего горемычнаго житія ¹⁾.

¹⁾ „Для спасенія нашихъ душъ у насъ по милости ея императорскаго величества господина пасторъ Мартенсъ понинѣ находится, съ которымъ мы по вся дни по утру и вечеру съ нашими вѣрными служителями Божію службу отправляемъ и съ особливымъ благоговѣніемъ святаго причастіе мы принимаемъ, сколь скоро мы онаго душевно алчемъ и жаждемъ, и такожь мы о высокому здравію ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ Бога усердно молимъ. Наше состояніе здравія мое и любезной жены моей нарочито; и состоитъ мой утренній и вечерній хлѣбъ въ жесткомъ сухарѣ, который лучше молотомъ разбивать, нежели разломать можно. А изъ нашихъ служителей поваръ Брандъ почти непрестанно болѣтъ. Находится при насъ здѣсь не безыскусный лекаръ, и мы ежегодно на тридцать и на сорокъ рублей изъ катеринбургской аптеки лекарства за наши деньги беремъ; за болѣзнью же онаго повара наша кухня не очень исправна и только одинъ мальчишка стряпаетъ, а насъ по вся дни обѣдаетъ съ караульнымъ офицеромъ ординарно четырнадцать, а частію и шестнадцать персонъ съ робятами. Наша квартира въ здѣшнемъ воеводскомъ домѣ посреди высокой деревянной крѣпости, которая въ квадратѣ отъ семидесяти до восьмидесяти шаговъ, а для людей нашихъ одна изба по прошенію нашему отъ караульнаго офицера, а другая на наши деньги построены, а притомъ плохой погребъ, въ которомъ зимою, дабы питье не мерзло, непрестанно уголье горячее держать принуждены. Нашъ выглядъ во всѣ стороны на тридцать или сорокъ шаговъ—высокая деревянная стѣна крѣпости, на которую уже смотрѣть мы такъ привыкли какъ напредъ сего на изрядныя палаты въ Петербургѣ.

„Мѣсто въ крѣпости болотное, да я ужъ способъ нашель на трехъ сторонахъ, куда солнечные лучи падаютъ, маленький огорождъ съ частыми балсами устроить. Такой же пасторъ и Якобъ, служитель нашъ, которые позволеніе имѣють предъ во-